

УДК 008

ЗНАКИ ЦВЕТА В МИФАХ НАСЕЛЕНИЯ РОДОВОГО ОБЩЕСТВА

Викторова Валентина Дометьяновна

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
(г. Екатеринбург)

Аннотация

В статье на основании системного, семиотического подходов и при использовании метода интеграции рассматривается роль знаков цвета в мифах населения эпох камня. Источниками анализа проблемы послужили вещи и знаки с культовых памятников Среднего Зауралья. В результате установлено, что самым распространенным был красный знак охры со значением – кровь-жизнь. Многоцветная палитра белого, розового, желтого, оранжевого, красного цвета красок и изделий из халцедона отражала богатство красок солнечного света, а также бликов огня. Знаки цвета присутствуют во всех мифах эпох мезолита-энеолита, которые удалось расшифровать. Роль знаков цвета в мифах состоит в том, что они выделяют основные идеи мировидения: идею рождения земли, возрождения солнца, человека; идею одухотворенности всего окружающего мира; идею социальных общественных отношений и нравственных принципов – тотемизм.

Ключевые слова: миф, обряд, система, структура, мировидение, мезолит, неолит, энеолит

COLOR SYMBOLS IN MYTHS OF TRIBAL SOCIETY

Viktorova Valentina Dometyanovna

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)

Abstract

The article examines the role of color symbols in the myths of Stone Age populations using a systemic and semiotic approaches and the method of integration. The analysis is based on objects and signs from cult sites in the Middle Trans-Urals. The study reveals that the most common symbol was the red ochre, which represented blood and life. The multicolored palette of white, pink, yellow, orange, and red pigments and chalcedony objects reflected the richness of the colors of sunlight and firelight. Color symbols are present in all the deciphered myths of the Mesolithic and Eneolithic Era. The role of color symbols in myths is to highlight the main ideas of the worldview: the idea of the birth of the earth, the rebirth of the sun and man, the idea of the spiritualization of the surrounding world, the idea of social relations and moral principles - totemism.

Keywords: myth, ritual, system, structure, worldview, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic.

Введение

Для воспроизводства и расшифровки мифов населения родового общества по археологическим материалам есть ряд оснований. Во-первых, за последнее тысячелетие в археологии накоплена богатая источниковая база. В разных регионах она различна, но в данной работе ограничим исследования горно-лесным Зауральем трех озерных краев – Северного, Среднего и Южного. В богатом

информационном потоке объектом исследования являются культовые памятники местного финно-угорского населения и индоиранских мигрантов.

Во-вторых, на протяжении тысячелетия совершенствовались методология и методы анализа культовых памятников. В данной работе методологическими подходами будут системный и семиотический. Из длительных споров теоретиков, что первично – обряд или миф, для древних эпох ответ однозначен. **Обряд – это сценарий определенного мифа.** Миф и его реализация в обряде это две системы. У них единая, или близкая структура, одинаковые пространственно-временные параметры и последовательность развития сюжета. В структуру обеих систем входит центральный элемент – объект посвящения и ключевые элементы – действующие персонажи и помощник первопредок-тотем.

Дополнительными элементами обряда являются: дары объекту посвящения, место для лица, ведущего обряд и церемониальная площадка для участников обряда, изобразительные, выразительные и **цветовые** знаки. К последним знакам принадлежат следы многоцветного костра, линзы красной охры, цветные прослойки глины и каменного инвентаря. Для интерпретации иконических и символических знаков пещерных и наскальных мифов, а также текстов на ритуальных сосудах, подход [Викторова, 2017, 42–45].

Из ведущего тезиса о взаимосвязи мифа и обряда следует, что началом исследования являются следы структуры обряда на культовом памятнике. При анализе древних текстов можно было бы применить продуктивный метод древнего населения – аналогию, сравнение. Только он к настоящему времени преобразован в метод интеграции, основанный на определенных закономерностях [Клейн, 1998]. Опираясь на эти закономерности, стало возможным соотнесение древних мифов с фольклором и этнографией обских угров, а также с доарийскими гимнами Ригведы.

Истоки и механизм образования знаков цвета. Истоками знаков цвета в обрядах и мифах являются индексные знаки. Одним из основных индексных знаков была **красная** кровь, важнейшее условие жизни человека и ряда природных организмов.

Метод преобразования природного индексного знака в иконический знак обряда и мифа – *аналогия* различных **оттенков красного** цвета охры, представленной в виде порошка или мелких сфероидов, шариков или «карандашей». Иконическими и символическими знаками служат рисунки, выполненные охрой на скалах. Порошок охры покрывающий сакральные площадки, или погребения, кусочки охры в составе теста ритуальных сосудов несли функцию оживления, рождения.

Следующими источниками знаков цвета в обряде и мифе были индексные знаки природных явлений и предметов, изготовленных рукой человека. Способом преобразования этих знаков в иконические или символические было применение того же метода аналога. Цветовой палитре солнца соответствуют языки пламени жертвенных костров и Красочных минералов: халцедона, кварца, яшмы, слюдяного и серебристого талька. Назначение этих знаков разнообразно: защита, усиление действий, указание направления на знаковые объекты.

Самое начало. Мифотворчество – это создание второй реальности, которая, формируя мировидение, прочно сочеталась с реальной жизнедеятельностью древних людей. Появление первых мифов относится к началу верхнего палеолита [Филиппов, 1997: 85]. Причиной их образования мифов стала необходимость объяснить важные для жизни, но непонятные явления в человеческом обществе и

природе. 32 тысячи лет до наших дней на стенах трех пещер (Франция) появились красочные иконические изображения животных ледникового периода, а в самом потаенном месте пещеры Шове была фигур человека с головой бизона [Филиппов, 2004, рис. 3, -2]. Изображения нанесены краской **красного**, **реже**, **черного** цвета. К сложившейся системе языков бытового общения и хозяйственной деятельности, вербального, жестов, и мимики, для проведения обрядов особое значение приобрели языки изобразительной деятельности, музыки, танца и **язык цвета**. Именно они придавали обряду и восприятию мифа эмоциональную насыщенность, формируя новые социальные чувства.

Около 20 тыс. лет на стенах пещер Франции, Испании, а 16 тыс. лет назад в Каповой пещере Урала продолжались обряды у рисунков с мифами. Н.Д. Праслов [1997] определил минеральные источники красок и способы их изготовления. Древнее население использовало четыре краски – красную, желтую, черную, белую [Там же: 8]. Среди них **красная** охра была основной.

Значимость красок для человека эпохи палеолита П.В. Волков увидел в выборе минералов яркого цвета – оранжевого, красного, желтого для ритуальных орудий. Он полагал, что человек этого времени уже умел ценить красоту [Волков, 2004: 50].

С момента появления в поле зрения исследователей пещерной палеолитической живописи (нач. XX в.) начались попытки ее расшифровки (Леруа-Гуран, Ляминь Эмперер и др.). В последние десятилетия А.К. Филиппов отмечал, что рисунки на стенах пещер это сцены о творении жизни, сказания о первых демиургах и круговорот через смерть к возрождению [Филиппов, 1997: 86]. В пещере Труа фрер он увидел один из вариантов мифа о всеобщем родстве человека и животного [Там же: 93]. Вместе с тем, автор согласен и с мнением А. Ляминь Эмперер о том, что во всех наглядных связях фигур малого и большого размеров можно предположить различие социальных структур, имеющих отношение к разным поколениям.

Есть основание предполагать, что антропоморфные изображения с головами бизона, мамонта, горного козла из пещер Западной Европы [Широков, Петрин, 2013, рис 39, 1–10] и Каповой пещеры Урала [Там же, рис. 39, 11] были изображениями предков-тотемов различных родовых общин.

Статья Ю.Б. Серикова [2012] содержит описание археологических находок со знаками красок на территории Северной Евразии и Урала. Из этого перечня можно выделить два момента. Во-первых, специфику применения красок на памятниках Южного Зауралья. В эпоху палеолита. красочные мифы на стенах пещер Каповой и Игнatieвской, скопление отщепов хрусталя на памятнике Большие Аллаки–II [Там же: 131].

На памятниках эпохи мезолита в Бурановской пещере и гроте Старичный гребень найдены подвески из зеленого офита. [Там же: 127]. Во-вторых, рассматривая проблему семантики знаков цвета, автор приводит точки зрения исследователей памятников с подобными знаками и их интерпретацию. К функциям знаков красок отнесены: охрана, усиления действия, защита, но чаще всего – рождение, возрождение [Там же: 136–137].

Обряды и мифы населения горно-лесной полосы Среднего Зауралья. Базой для размышлений и выводов будет уральский материал с основой опорой на памятники острова Каменные палатки (Железнодорожный район г. Екатеринбурга), где раскопки проводились последние 44 года. Временные рамки –

эпохи мезолита (X – ср. VII тыс. до н. э.), неолита (ср. VII – ср. IV тыс. до н. э.), энеолита (ср. IV – III тыс. до н. э.).

Культовые памятники острова Каменные палатки

Миф о поднятии Земли. В эпоху мезолита миф и его воспроизведение в обряде, вероятно, возникли из потребности объяснить, откуда и как появилась земля, на которой обитали жители острова и всей культурно-исторической общности Среднего Зауралья.

В раннем голоцене начало мифу положила, наблюдаемая древним населением ситуация на озере, в южной части которого находился остров. Высокий уровень воды в озере неоднократно колебался и, на его поверхности то появлялись, то вновь скрывались под водой горные вершины островов. Соответственно размеры острова тоже колебались, но постепенно увеличились в два раза, а его высота над уровнем воды от 3-4 м достигла 5-6 м. Подобные события, которые происходили во всех трех озерных краях Зауралья, и породили миф о неоднократных попытках появления гористой земли со дна водоема. Опытные охотники знали, что нырять до дна могли немногие птицы, в том числе, гагары. А измерить растущую землю способны вороны.

В мифе и его реализации в обряде объектом почитания была гористая земля острова и вся окружающая ее территория жизнедеятельности общины. Ключевыми элементами структуры обряда были три действующих персонажа. Первый из них – деревянная (обгоревшая) фигура водоплавающей птицы в **слое красной охры**. Жертвенная сгоревшая чаша была заполнена охрой.

Второй персонаж представлен скульптурой головы ворона размером 1 х 0,5 м. Фигура выполнена в граните **белого цвета**. Северо-восточнее скульптуры, в жертвеннике среди микропластин находилась небольшая (2,5см) **черная** голова медведя -тотема, изготовленная из углисто-кремнистого сланца. Между двумя основными персонажами расположена церемониальная площадка.

В эпоху неолита продолжение мифа представлено на поверхности ритуальных сосудов. Знаки воды, покрывающие всю внешнюю поверхность сосуда, повествуют, что первоначально кругом была только вода [Викторова, 2017, рис. 17]. На втором сосуде одна череда треугольников – знаков гор поднимается со дна водоема, а другая уже поднялась из воды [Там же, рис. 83].

В эпоху энеолита в обрядах святилищ 1 и 2 аятской культуры отражен самый богатый вариант мифа. В первом святилище на поверхности ритуального сосуда видны крупинки **красной охры** и среди них обозначено начало мифа: фигуры больших гагар на верхнем фризе и малых среди волн изображены в позах ныряния. Центральный элемент - гористая земля находится еще на дне водоема (на дне сосуда) [Викторова, 2021, рис. 1]. И на сосуде, и в обряде присутствует тотем-лось [Викторова, 2017, рис. 59, фото 1].

Место для лица, ведущего обряд, представлено овальной формы площадкой из **желтой** глины, окруженной канавкой. Столб у ее северного основания, вероятно, был воплощением духа (рода? земли? мировой горы?). Обряд завершался текстом Ведущего, в руках которого, очевидно, был жезл с навершием в виде **черной** головы птицы-ворона. Эта фигура, как и ритуальный сосуд, найдены в культовой постройке.

Прошло более 10 тысяч лет, и в Священном сказании манси этот миф сохранился. В нем изменился ландшафт, вместо гор главным элементом стала

равнина, место зооморфных предков заняли антропоморфные. Но структура мифа осталась неизменной.

Миф о духе мировой горы. На вершинах древних Уральских гор ветер, вода и мороз «изваяли» целый ряд фигур, похожих на звериные и человеческие головы. Одухотворяя все живые и неживые явления природы, в этих фигурах древние люди видели духов леса и гор. В каждом конкретном случае общинники воспринимали гору с антропоморфной головой на вершине, как мировую гору с обитавшим в ней духом. Эти представления сохранились до Нового времени [Глшков|1900].

Миф у мезолитического населения острова появился из потребности объяснить наличие на валуне Западной гряда природной фигуры, напоминающей профиль человека.

Древний художник черточками—щелями нанес морщины, расширенными черточками обозначил глаз, ноздрю и рот. И в профиле старца, очевидно, древнее население острова с эпохи мезолита до раннего железного века видело духа мировой горы. Центральным элементом мифа и обряда стал дух мировой горы, воплощенный в столб, на 50 см погруженный в супесь с включением угольков и обильной примесью **красной** охры.

Охрой была перекрыта и площадка перед столбом. На ее северном конце сидела фигура тотема-медведя. По центру площадки в деревянном сосуде, вероятно, находилась жертвенная пища. Во втором жертвеннике на одной линии по направлению к столбу размещались гранитные фигуры - голова олененка и имитация наконечника стрелы длиной 0,9 м, заключенного под свод небольшого грота. Миф повествует о значимости духа мировой горы- гранитного устойчивого центра мира населения как острова, так, вероятно, и соседних общин.

В расширенном варианте текст мифа представлен в обряде на святилище 2, расположенном у основания **белой** гранитной скульптуры птицы-ворона. Центральным элементом обряда послужил столб, в котором, очевидно, воплощением духа мировой горы.

Ритуальный Сосуд, погруженный в прокал от **многоцветных** языков огня, состоит из двух частей. На первой из них мировая гора появилась из воды на половину. По ее центральной оси видны два ромба, два знака души [Викторова, 2017: 114–115] верхнего и среднего мира. На второй части сосуда гора появилась целиком и по ее центральной вертикали видны все три одушевленные миры – верхний, средний и нижний [Викторова, 2021, рис. 2].

К ключевым элементам обряда принадлежали: гранитная голова тотема-лося, затылок которого был покрыт слоем **красной** охры; оговоренная выше, **белая** большая и **черная** малая фигуры голов птицы-ворона; жертва в виде скопления фигур зверей и птиц, изготовленных из черепков разбитых сосудов; церемониальная площадка и охранявшие ее менгиры.

Миф содержит текст о происхождении мировой горы со дна водоема и ее значимости, как гранитного устойчивого центра мира населения острова и соседних общин. В иерархии духов

Главным из них был дух всей мировой горы, на следующем уровне находятся духи трех миров.

Отметим, что даже в расширенном варианте структура мифа осталась неизменной.

Миф о медведе-тотеме. Этот миф, возникший в эпоху мезолита, пока не имеет продолжения в обрядах последующих эпох, хотя каждый обряд сопровождали фигуры тотемов – медведя или лося.

Основным персонажем обряда и мифа является образ первопредка, тотема- медведя. Общим ключевым элементом служил дважды возводимый столб, воплотивший духа мировой горы. Дополнительными элементами обряда были жертвенники, перекрытые **розовой** супесью с включением порошка охры, а также мастерская по изготовлению охры.

Сюжет мифа – это история тотема-медведя. Его рождение в обряде выглядит, как маленькая (5,5 см) гранитная головка медвежонка [Викторова, Сериков, 2015, рис. 12], лежащая в линзе **розового** цвета. Фигура повзрослевшего медведя (длиной 42 см) изображена на **розовой** линзе в позе движения из иного мира на севере в мир живых на юге [Там же, рис. 11]. Дары у обеих фигур представлены микропластинами, среди которых выделяются пластины халцедона **белого, розового, желтого, оранжевого** цвета и из **сургучно-зеленой и белой** яшмы. По склону от площадки вниз спускается третья большая (1,3 x 1,4 м) фигура медведя.

В жертвеннике, окруженном камнями, лежали кости животного и куски железной руды, обильно посыпанные порошком **красной** охры. Итак, в сценарии мифа изображены картины из жизни медведя-тотема: его рождение, движение с севера из иного мира и спешный спуск по крутому склону к, по всей вероятности, на помощь потомкам-сородичам.

Миф о жизни в ином мире. Погребальный комплекс эпохи мезолита расположен в южной части первой ступени Западной гряды. Здесь в одном ряду с востока на запад находились: валун с изображением духа горы, каменный ящик и два погребения. Объектом почитания мифа и обряда было лицо высокого социального статуса, могила которого перекрыта слоем **красной** охры. Погребение ориентировано в направлении с юга на север. Рядом с умершим лежали пластинки **полупрозрачного блестящего** слюдяного талька, в ногах находились кости лося и северного оленя. Во второй могильной яме, с той же ориентацией при отсутствии консерванта-охры кости были уничтожены кислотной почвой. Сохранился только след обгоревшего жертвенного сосуда.

Поминальный комплекс представлен каменным ящиком, на северной стенке которого лежит фигура медведя-тема. Внутри ящика виден след сгоревшего столба, очевидно, вмещавшего душу первого погребенного. У западного основания ящика пылали **многоцветные** языки огня.

В мифе иной мир находится на севере. И в нем всегда темно. Поэтому медведю-тотему, обитавшему там, не нужны глаза (все 8 изображений голов медведей с культовых мезолитических памятников не имеют глаз). Но для жизни умерших людей, вероятно, нужен свет и поэтому в первое погребение помещены пластинки яркого слюдяного талька. Нужна и пища, которой сопровождала обоих погребенных. Особо важной считалась жизнь в ином мире, а затем возрождение лица высокого ранга (старейшины рода или вождя племени). Поэтому для его обязательного возрождения могилу перекрывали слоем порошка **красной** охры.

В эпоху энеолита в погребально-поминальном обряде при сохранившихся традициях появились новации. Первая из них заключалась в увеличении различия элиты и рядовых общинников. Для лиц высокого социального статуса со середины

IV тыс. до н. э. общинники начали возводить из многотонных гранитных плит и валунов верховые тоннели и дольмены.

Погребение объекта почитания – знатного сородича помещено под слоем **красной** охры по центру Романовского верхового тоннеля. Оно ориентировано с юга на север. Голова медведя-тотема занимает северную часть погребения. Следы **многоцветного** пламени огня отмечены у входа и выхода тоннеля. В последнем случае огонь горел в скоплении фигур зверей из гранита. Они окружали невысокий (30 см) «менгир», вероятно, вмещавший душу умершего.

Рядовых общинников погребали в низовых тоннелях. У северного входа в 10-метровый низовой тоннель у западного основания острова от обряда сохранилась мегалитическая фигура медведя и трижды принесенные дары. Над этим памятником на 5 м возвышался поминальный комплекс. В обоих случаях объектами поминания были сородичи, погребенные в тоннеле.

Следующая новация заключалась в том, что на тризне присутствовали, наряду с живыми сородичами, духи умерших. Об этом повествует состав костей и предметы в восьми скоплениях. Кальцинированные кости принадлежали как съедобным, так и несъедобным животным, и птицам (скопе и лисице). Из этнографии узнаем, что у жителей нижнего мира иная пища, не пригодная для живых [Попова, 2003: 61]. Для дальнейшей жизни каждому духу принесены по 1-3 защитных подвески из **красного** сланца и амулеты, для освещения пластинки **блестящего** слюдяного талька, а для подземной охоты в ряде скоплений были наконечники стрел.

Итак, в мифах представление о нижнем мире постепенно становилось более четким. Иной мир находится на севере и в нем всегда темно. Умершие там ведут обычную жизнь: охотятся, принимают пищу, иногда посещают мир живых и приносят оттуда дары. Их защищает тотем, амулеты и подвески (или ожерелья) из красного сланца.

Мифы о возрождении. Миф, посвященный восходу, рождению солнца сложился из потребности осуществить мечту древнего человека о бессмертии. Из наблюдения древние знали, что солнце после ухода каждый вечер в иной мир на север всегда утром возвращается. Сопоставление циклов солнечного движения с циклами человеческой жизни: рождение, пик жизненной энергии, старение, смерть сложилось представление, что раз солнце всегда выходило из иного мира, возрождалось, значит, должен возродиться и умерший соплеменник.

На памятнике Сейд конструкция высотой 1 м, изготовленная из валунов и плит в четыре яруса, для археологов была загадкой. Посетивший остров директор Пулковской обсерватории А.В. Степанов отметил, что конструкция очень удобное место для наблюдения за восходом солнца. Археологические раскопки подтвердили эту замечательную гипотезу. Раскопки подтвердили гипотезу, и было установлено, что памятник сооружен в эпоху мезолита.

Конструкция, при помощи которой определялись точки восхода солнца в дни весеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния, очевидно, воспринималась как воплощение духа солнца и стала главным элементом структуры обряда. У ее восточного основания в жертвеннике помещали дары в виде скопления **розового** халцедона, микропластин, чешуек халцедона **белого, желтого, оранжевого, розового, красного** цвета. Подобная цветовая палитра свойственна и пламени костра, визира восхода солнца в день весеннего равноденствия. Она могла служить и иконическими знаками родства огня и

солнца, а также символом возрождения весны. Южнее находилась линза белой глины. С севера к конструкции обращено изваяние головы тотема-медведя, изготовленная на углу большой гранитной плиты.

Через четыре тысячелетия у конструкции возродились и миф, и обряд. У населения трех археологических культур последовательно повторились и структура и схема действий на том же жертвеннике. Только в обряде общинников липчинской культуры дарами служили пластины и фрагменты изделия из **красной** яшмы, а тотемом у населения аятской культуры был лось.

Мифы индо-иранского населения. В эпоху неолита на Ближнем Востоке с развитием земледелия и скотоводства произошел демографический взрыв и начались миграции в Северную Индию, на Балканы, Украину, Зауралье и Западную Сибирь. Т.Я. Елизаренкова не однократно отмечала в статье и комментариях, что в Ригведе, наряду с арийским, сохранился пласт гимнов доарийского неолитического времени [Елизаренкова, 1989], что позволило сопоставить факты археологии с рядом гимнов.

Миф о возрождении. Усть-Вагильсктй холм (Северное Зауралье) в настоящее время возвышается на 5,5–6 м над равнинной частью прибрежной полосы. Начало холму положил холмик над культовым памятником раннего неолита [Панина и др., 2019]. Объектом почитания были фрагменты семи человеческих черепов. В состав жертвенника входили два скопления костей животных и керамика сатыгинского типа. **Белая** глина заполняла фрагменты двух человеческих черепов и расколотые трубчатые кости животных. Жертвенник перекрыт супесью с включением сфероидов и жгутов из **белой** глины, а затем еще и **белой** берестой. Можно согласиться с мнением С.Н. Паниной, что жертвы посвящались возрождению как людей, так и животных.

Население следующей волны мигрантов освоило Среднее Зауралье и Притоболье.

На святилище острова Каменные палатки последовательно были проведены три разных обряда, отражающих разные мифы.

Миф, посвященный восходу солнца. На святилище с глиняной площадки **красного** цвета, на которой было место Ведущего обряд, ранним утром Хорошо открывался обзор на солнце, поднимающееся из-за скалистых вершин Западной гряды. Именно в это время на гранитной стене гряды наиболее четко проступал шлифованный знак рога быка размером 1 м [Викторова, 2017, фото 4]. У ранних земледельцев Ближнего Востока образ быка олицетворял небо [Антонова, 1984, с. 83–101].

Миф, посвященный восходу солнца, отражен в доарийском гимне Ригvedы [VI, 84, 3]: утренняя **розовая** Заря появляется верхом на быке.

Миф о сотворении земли. Проведя обряд, ведущий стоял на глиняной площадке **желтого** цвета. Центральной фигурой обряда был «утюжок», предмет по форме напоминающий зерно. По его центру нанесен желобок выгнутая [Там же, рис. 84]. Рядом находился развал сосуда, с изображением знаков воды, льющейся сверху [Там же, рис. 85]. Восточнее цветных площадок размещались четыре ямки от столбов или помостов, образующие ромб. Вероятно, знак образовавшейся земли. Диагонали ромба определяли направления стран света. Возле каждого столба горел *огонь с многоцветными* лепестками. В костры выливали жертвенную жидкость. Образовавшийся слой золы включал прослойки **белого, желтого и оранжевого** цвета.

В обряде был воспроизведен миф из до арийского гимна Ригvedы. Золотой зародыш появился из бездны высоких вод и стал творцом «всего сущего»: неба и земли, стран света и мира живых, которые «дышат и моргают» [Ригveda, X, 121, 1–4].

Миф об утверждении на новой земле. Объектом почитания была родная мать-земля. Появилась потребность в ее переносе с родины и возрождения на новом месте обитания. Дорога переселенцев шла с гор Загроса Южного побережья Каспийского моря [Мелларт, 1982: 22–23] по пустыне, водным переправам и преодолению высоких Гор Южного Урала до Среднего Зауралья.

В обряде этот путь представлен как движение с юга на север: от гранитной *чаши* на вершине Западной гряды вниз на 5 м по скалам, потом еще ниже на 3 м по склону горы к уступу со знаком матери-земли на крутом склоне острова. Знак в виде круга, пересеченного диагональю, аналогичный «утюжкам», был прочерчен на плоской плите [Викторова, 2017, фото 3]. Диагональ, ориентированная в направлении юг-север, как бы продолжила путь до острова. В глубокую щель, расположенную по касательной к знаку, была вылита жертвенная жидкость.

Миф повествует о тяжелом пути миграции, переносе и утверждении матери-земли на новом месте заселения. Особая значимость обряда, отражающего миф, отмечена **белой** площадкой, на которой стоял человек, руководивший обрядом.

Для понимания смысла белого цвета обратимся к цветовому коду Ригvedы. В гимнах, посвященных огню Агни, солнцу и жертвенному напитку *собе*, эпитеты желтоватый/ая, белый/аяая, сверкающий/ая [Ригveda, IX. 42, 1] совпадают и являются символами положительного значения: благополучия, благоденствия, жизнеутверждения. При этом основной акцент в этой палитре приходится на яркую часть спектра **белого цвета**.

Мифы местных охотников появились в эпоху энеолита, когда в озерном крае горно-лесной полосы Зауралья ведущую форму хозяйства – рыболовство заменила охота. Обряды стали проводить у наскальных изображений [Чернецов, 1968: 21]. На Урале известно свыше 70 писаниц. Различная иконография птиц и копытных зверей, а также фрагменты керамики на жертвенниках у основания скал с рисунками позволяют установить, что мифы наносились древними художниками разных культур – липчинской, аятской, елизаветинской в разное время.

Фигуры на скалах прорисованы **красной** охрой. То-есть, при обряде древних охотников каждый миф должен был предстать как ожившая сцена. Большая часть мифов ждет своей расшифровки. Наиболее понятными оказались тексты следующих мифов.

Мифы о лесных духах.

Внешний вид духов – антропоморфные фигуры с рогами вместо голов. Среди них выделяются персонажи, вероятно, более высокого статуса, выполненные в этой же иконографии. Они отличаются от рядовых духов более высоким ростом и наличием ребер, традицией, идущей с эпохи мезолита. Основной сюжет мифов состоит в просьбах охотников о помощи духов в охоте. В одних случаях духи помогают набросить сеть на копытного или птиц [Широков, Чаиркин, 2011, рис. 63, 20–23], в других заманить добычу в загороди [Там же, рис. 67, 42, 44, 45]. Наиболее информативной представляется сцена, прорисованная на Писаном Камне Северного Зауралья. В отличие от статики предыдущих сюжетов, здесь в четырех сценах разворачивается действие, основной фигурой которого является предводитель духов.

Эпизод 1. Предводитель духов, стоя у основания горы, слушает просьбу о помощи в загонной охоте [Там же, рис. 41, 73–76]. Эпизод 2. Одинокая фигура предводителя [Там же, рис. 80], очевидно, он размышляет. Эпизод 3. Предводитель дает задание двум духам. Эпизод 4. Охотник показывает четырем духам, где находится стадо копытных [Там же, рис. 41, 46–54].

Заключение

Использование в древних обрядах и мифах знаков цвета позволяет установить их назначение, как одного из важнейших способов выделения идей, лежащих в основе древнего мировидения.

Идея одухотворенности всех объектов и явлений, окружающего мира. Духи трех миров, расположенных по центру вертикали мировой горы, были выделены многоцветным пламенем огня. Для оживления мифические сцены с лесными духами подчеркнуты на скалах **красным** цветом. Духам иного мира для защиты предназначались подвески из красного сланца. Представление о том, что весь окружающий мир населен духом, сохранилось у обских угров до исторической этнографии [Карьялайнен, 1995].

Идея рождения земли и мироустройства на ней по вертикали и горизонтали. На ритуальном сосуде начало текста мифа подчеркнуто включением в тесто сосуда кусочков красной охры. На другом сосуде, озаренном многоцветным пламенем огня, Мировая гора также появилась из лона вод. На ней одухотворены все три мира по вертикали. Столб, воплотивший ее дух, для оживления был погружен в супесь с включением красной охры. Столб-гномон, основание которого окружено кусочками охры, позволяет разграничить землю по горизонтали.

Идея пространственно-временного круговорота. В этой идее цветовой акцент сделан на цикл *возрождения* солнца, весны и человеческой жизни, что подчеркивалось их оживлением в многоцветном пламени огня и богатой палитрой красок даров каменного инвентаря. Условием возрождения социально значимых лиц было перекрытие погребенных слоев красной охры. Для освещения темного мира предназначались пластинки блестящего слюдяного талька.

Идея тотемизма. Наличие у общинников звероподобного первопредка-основателя нравственных устоев и основного помощника было выделено специальным мифом об истории тотема-медведя. Скульптуры тотема были оживлены помещением на площадки с включением охры и дарами пластин разноцветного халцедона. Отметим, что все обряды населения родового общества сопровождались скульптурами тотемов – медведя или лося.

Литература

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Москва: Наука, 1984.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАУ, вып. 23. Екатеринбург: Из-во УрГУ. 1998. С. 63–80.

Викторова В.Д., Сериков Ю.Б. Микролитические комплексы на острове Каменные палатки (Среднее Зауралье) // Тверской археологический сборник. Вып. 10, ч. 1. 2015. С. 325–342.

Викторова В.Д. Вещь и знак в археологии. Екатеринбург: Квадрат. 2017. 272 с.

Викторова В.Д. Семиотическое основание анализа геометрических знаков // Музей. Памятник. Наследие. № 1 (9). 2021. С. 174–185.

Волков П.В. Странная особенность палеолитического инструментария // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3 Парадоксы археологии. Новосибирск. Наука. 2004. С. 47–53.

Елизаренкова Т.Я. Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М. 1989. С. 248–359.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. 2. Изд-во Томского ун-та. Томск. 1995. 283 с.

Клейн Л.С. Археология и этнография.: проблема сопоставлений // Этногенез и археология Текст: сборник статей: в 2 т. / Л.С. Клейн Теоретические исследования. С. 308–352.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. Москва: Наука. 189 с.

Панина С.Н., Пиецонка Х., Хартиц З., Тербергер Т. Жертвенное место с керамикой сатыгинского типа эпохи неолита на усть-вагильском холме (средний Урал, Россия) // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург-Ханты-Мансийск, 2019. С. 118–121.

Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск, Изд-во Томского ун-та. 2003. 178 с.

Праслов Н.Д. Краски в палеолитическом искусстве // Пещерный палеолит Урала. Уфа. 1997. С. 81–84.

Ригведа. Мандалы I–IV. М. Наука 1989. 767 с.

Ригведа. Мандалы V – VIII. М. Наука. 1999. 743 с.

Ригведа. Мандалы IX–X. М. Наука. 1999. 560 с.

Сериков Ю.Б. Краски и цвет в ритуалах древнего населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул. 2012. С. 123–142.

Филиппов А.К. Происхождение изобразительного искусства. СПб. 1997. Изд-во СПб ун-та. 103 с.

Филиппов А.К. Пещера Шове и ее место в искусстве верхнего палеолита // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб, 2004. Из-во СПб ун-та. С. 47–52.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. В4-12. М. Наука, 1964. 52 с.

Широков В.Н., Чауркин С.Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург. 2011. 182 с.

Literature

Antonova E.V. Sketches of the Culture of Ancient Agriculturalists of West and Central Asia. Moscow: Nauka Publ., 1984. (In Russian).

Viktorova V.D., Kerner V.F. "Utyuzhniki" from Neolithic and Eneolithic monuments of Trans-Urals // VUU, vol. 23. Ekaterinburg: Iz-vo UrSU Publ., 1998. Pp. 63–80. (In Russian).

Viktorova V.D., Serikov Yu.B. Microlithic Complexes on the Island of Kamennye tents (Middle Trans-Urals) // Tverskoy Archeological Collection. Vyp. 10, ч. 1. 2015. Pp. 325–342. (In Russian).

Viktorova V.D. Thing and Sign in Archeology. Yekaterinburg: Kvadrat Publ., 2017. 272 p. (In Russian).

Viktorova V.D. Semiotic Basis for the Analysis of Geometric Signs // Museum. Monument. Heritage. № 1 (9). 2021. Pp. 174–185. (In Russian).

Volkov P.V. Strange Peculiarities of Palaeolithic Toolkit // Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilisations. Vyp.3 Paradoxes of Archaeology. Novosibirsk. Nauka. 2004. Pp. 47–53. (In Russian).

Elizarenkova T.Ya. Rigveda - the Great Beginning of Indian Literature and Culture // Rigveda. Mandalas I–IV. Moscow. 1989. Pp. 248–359. (In Russian).

Karjalainen K.F. Religion of the Yugra Peoples. T. 2. Izd vo Tomskiy un-ta Publ., Tomsk. 1995. 283 c. (In Russian).

Klein L.S. Archaeology and Ethnography: the Problem of Comparisons // Ethnogenesis and Archaeology Text: Collection of Articles: in 2 vol. / L.S. Klein Theoretical Studies. С. 308–352. (In Russian). (In Russian).

Mellart J. Ancient Civilisations of the Near East. Moscow: Nauka Publ., 189 p.

Panina S.N., Pieczonka H., Hartz Z., Terberger T. Sacrificial Site with ceramics of Satygin Type of the Neolithic on the Ust-Vagil hill (Middle Urals, Russia) // V Northern Archaeological Congress. Theses of Reports. Ekaterinburg-Khanty-Mansiysk, 2019. Pp. 118–121. (In Russian).

Popova S.A. Rites of Passage in the Traditional Culture of Mansi. Tomsk, Izd-vo Tomsk un-ta Publ., 2003. 178 p. (In Russian).

Praslov N.D. Paints in Palaeolithic Art // Cave Palaeolithic of the Urals. Ufa. 1997. Pp. 81–84. (In Russian).

Rigveda.Mandala I–IV. Moscow: Nauka Publ., 1989. 767 p.

Rigveda. Mandalas V – VIII. Moscow: Nauka Publ., 1999. 743 p. (In Russian).

Rigveda. Mandalas IX–X. Moscow: Nauka Publ., 1999. 560 p. (In Russian).

Serikov Yu.B. Paints and Colour in the Rituals of the Ancient Population of the Urals // Worldview of the Population of South Siberia and Central Asia in Historical Retrospect. Barnaul. 2012. Pp. 123–142. (In Russian).

Filippov A.K. Origin of Fine Arts. SPb. 1997. Izd-vo St. Petersburg University Publ., 103 p. (In Russian).

Filippov A.K. Chauvet Cave and its Place in the Art of the Upper Palaeolithic // Fine Art Monuments: style, epoch, compositions. St. Petersburg, 2004. Izvo St. Petersburg State University Publ., Pp. 47–52. (In Russian).

Chernetsov V.N. Rock Images of the Urals // SAI. Vyp. v 4–12. Moscow: Nauka, 1964. 52 p. (In Russian).

Shirokov V.N., Chairkin S.E. Rock Images of the Northern and Middle Urals. Ekaterinburg. 2011. 182 p. (In Russian).

Сведения об авторе:

Викторова Валентина Дометьяновна

старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, кандидат исторических наук. (г. Екатеринбург, Россия).

Bionotes:

Viktorova Valentina Dometyanovna

Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Candidate of History (Yekaterinburg, Russia).

Для цитирования:

Викторова В.Д. Знаки цвета в мифах населения родового общества // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2(6), 2023. С. 93–105.

For citation:

Viktorova V.D. Signs of Colour in the Myths of the Population of Ancestral Society // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2(6), 2023. Pp. 93–105.